

САША
Найт

18+

ЧУЖОЙ МУЖ
Чужая жена

Саша Найт

Чужой муж, чужая жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238509

SelfPub; 2024

Аннотация

Я замужем за неверным, которого выбрала ради ребёнка, а он женат. Мы избегали друг друга целых пять лет, а теперь нам пришлось встретиться на семейном празднике. И это стало началом конца, потому что я любила Антона Жуковского даже спустя столько лет. Ничего не изменилось. Ненормальная связь всё ещё осталась. Как бы я ни пыталась стереть в памяти его касания, поцелуи. Только он теперь другой: грубый, требовательный, жёсткий, наглый. Собирается взять то, что хочет. И ничего для него не помеха. Пусть нельзя, пусть мы в браках. Пусть мы снова обожжёмся и потеряем себя. Я этого хочу. И он хочет тоже.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	19
Глава 4.	31
Глава 5.	39
Глава 6.	48
Глава 7.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Саша Найт

Чужой муж, чужая жена

Примечание от автора.

Эта книга – продолжение истории Ксюши, Антона и Егора из книги «Бывший напрокат». Действие в «Чужой муж, чужая жена» происходит через пять лет, после концовки «Бывший напрокат». Рекомендую ознакомиться для начала с «Бывшим», для понимания предыстории. Но можно читать и отдельно.

<https://www.litres.ru/sasha-nayt/byvshiy-naprokat/>

Глава 1.

Наши дни.

Тридцатое декабря, суббота, зима.

Родительский дом встречает нас яркими праздничными огоньками. Украшенное мишурой крыльцо мерцает в свете фонариков. Морозный Питерский воздух пробирается даже под тёплую модную синюю шубу из искусственного меха, проникает через тонкие чулки, и кожа покрывается мурашками. Идти по скользкой дорожке на высоких каблуках неудобно, поэтому я хватаю под локоть Егора, на котором и так виснет Евушка.

– Не могли приехать завтра? – недовольно вопрошает муж. – Ева устала и уже засыпает.

– Я не видела сестру почти год! Хватит ворчать и пошли в дом, – закатываю глаза я.

– Пять лет прошло с нашей свадьбы, а твоя сестра до сих пор меня ненавидит. Я даже причины не знаю.

– Ника не ненавидит тебя. Она просто... – сказать ему реальную причину я до сих пор не могу. – В принципе не любит людей.

– Твой брат меня тоже ненавидит, – подмечает Егор.

– Это не так! – слишком эмоционально пытаюсь соврать я.

– Ну-ну. Звони в дверь давай.

Ника – это моя двоюродная сестра и самая лучшая на све-

те подруга. Она, я и Антон были не разлей вода всю нашу жизнь, пока... Нет. Не хочу об этом думать. Антон – сын мужа моей тётки от первого брака. Тётя Лена воспитала его как родного, хоть и не оформляла усыновление. Для всех мы двоюродные брат и сестра. Но по крови мы с ним абсолютно чужие. Но это не мешало нам дружить.

Стучу в украшенную ярким венком дверь. Надеюсь, что откроет мама или папа. Потому что помимо них и сестры, может открыть он. И я просто надеюсь, что Антон с женой в эти новогодние праздники откажутся посетить посиделки с родственниками, как и в предыдущие годы, когда их посещали мы с Егором и дочкой.

Дверь распахивается, на пороге отец. Где-то глубоко внутри колет крошечной иголкой чувство разочарования. Но сразу же накатывает облегчение. Не думала, что пять лет слишком мало, чтобы окончательно перечеркнуть прошлое.

– Оксаночка! – радостно приветствует меня папа, обнимая и целуя в обе щеки. – Привет, зять. Внученька моя! – отец поднимает сонную Еву на руки и заносит в дом.

– Виталий Ярославович, с наступающим! – деликатно поздравляет Егор.

У них с папой, с самого начала были хорошие отношения, но потом что-то в отце охладело к моему мужу. Но папа ведь не знал. Не мог знать. Я рассказывала только сестре...

Три с половиной года назад.

До свадьбы Ники и Яна на Бали оставалось два дня. Ева

была совсем крошкой, и я переживала, что придётся оставить её на попечение мужа. Но бросить сестру одну в такой день я не могла. Ника всегда была рядом со мной и в трудные, и в счастливые мгновения. А тащить дочку в таком возрасте на курорт, обрекая на четырнадцатичасовой перелёт, я не желала.

В те дни я редко выходила куда-то по магазинам или кафе. Всё время занимала дочка и уход за ней, потому что Егор категорически был против нянь и помощи бабушек. Маленькая капризуля, она, наверное, родилась такой. Или её избаловали наши с мужем семьи, ведь на всех них Евочка была самой первой внучкой.

Егор постоянно был занят работой, поэтому мне впервые пришлось оставить дочку с Мариной, сестрой мужа втайне от него. Чтобы съездить в торговый центр и купить платье для свадьбы. Я шла по летней Питерской улице, в центре. Чувствовала себя отвратительно из-за духоты. После родов у меня начались проблемы с давлением, поэтому жару я тогда на дух не переносила.

Я остановилась в тени, чтобы перевести дух. Достала из сумки бутылку с водой, сделала глоток. Осмотрелась по сторонам и застыла как вкопанная. Глазела на своего мужа и девушку, которую знала. Которую тоже звали Ксюшей. Только Ксенией, а не Оксаной. Глядела, как мой муж нежно сжимал руку своей секретутки возле дорогого ресторана. Как они страстно поцеловались, перед тем, как сесть в его машину.

Вряд ли мне было бы больнее, застукай я их прямо в постели. Муж смотрел на неё так же, как на меня до родов: как будто эта новая Ксюша самая большая в мире драгоценность.

Нет, я не проследила за ними, не ворвалась в его офис со скандалом, хоть и хотелось. Не размазала его по стенке на той самой улице, как Егор того заслуживал. Я дождалась вечера и встретила его дома.

– Ничего не хочешь мне рассказать, любимый? – ядовито выплюнула я.

– О чём ты, Ксения?

Я посмотрела на мужчину, которого я выбрала себе в мужа, выбрала ради ребёнка. Которого любила по-своему. Который добивался меня ещё в институте, невзирая на то, что я была несвободна. Может, я сама во всём виновата? Немного забросила себя после родов, несколько килограммов набрала, перестала носить красивые платья и каблуки, за что Егор меня постоянно попрекал. А ещё не хотела слышать в ближайшие годы о втором ребёнке. Муж постоянно намекал, а в последнее время говорил открытым текстом, что ему нужен сын. Наследник, что б его.

– Даю тебе шанс признаться честно. Вранья не потерплю.

– Я всё ещё не понимаю, о чём ты говоришь! – муж выглядел недовольно.

– О тебе и твоей потаскушке секретарше! – не выдержала, выкрикнув. – Как давно ты спишь с ней?! Как давно изменяешь мне?!

– Любимая, с чего ты взяла, что я сплю с ней? Опять твои гормоны? – мужчина попытался перевести всё в шутку.

– Не притворяйся идиотом, Багрянцев, я вас видела!

– Я... я... Это не то, что ты подумала! Ксень, я всё объясню! Мне безумно жаль... Я не...

– Не хотел? Это ты хочешь сказать? Ты не хотел отыметь свою секретаршу? Бог ты мой, Егор, ты слышишь, как это убого звучит?

– Это было один раз! Я её не люблю! Мне нужна только ты и наша дочка! – оправдывался он. – Это всего лишь секс, он ничего не значит! Она сама соблазнила меня!

– Ах, ну конечно! Ты случайно споткнулся посреди Петербурга и упал губами на её лицо?! – уже не могла сдержаться я и кричала что есть мочи.

– Успокойся, не место для сцен! Сама виновата, забросила меня, выглядишь лет на десять старше со своим лишним весом и этими пучками, – ответил муж холодно. – Прекрати истерику. Наша дочь спит!

– Что-то о Еве ты не думал, когда кувыркался с секретаршей!

– Она ничего не значит! Хочешь, я уволю её? Завтра же уволю её!

Муж попытался дотронуться до меня.

– Нет, не смей меня трогать, кобель похотливый! А знаешь, что? Уволь, – в тон ему, холодно подметила я. – Чтобы, когда я приехала со свадьбы, этой секретарши в твоём офисе

не было.

– Ты же простишь меня? Ради семьи, ради нашей дочки? Я клянусь, что больше никогда не изменю тебе! Клянусь, любимая!

Я молчала, не в силах что-то ответить. Держалась только ради дочери, иначе сразу бы затребовала развод. Собравшись с мыслями, сказала:

– Не знаю. Ты предал меня, предал нас! Где гарантия, что если я смогу тебя простить, это не повторится?

– Я клянусь тебе, Ксения! Ты не пожалеешь!

Кивнула равнодушно. А про себя подумала только об одном: ***«Я отомщу тебе, Егор. Богом клянусь, отомщу. Чтобы тебе было так же больно».***

Глава 2.

Наши дни.

Выныриваю из воспоминаний. Снимаю сапожки, вешаю шубу на вешалку. Поправляю немного отросшее аккуратное каре чуть ниже плеч. Захожу в гостиную, обвожу взглядом родственников, улыбаюсь каждому: маме, тёте, дяде, бабушке. Ни сестры с семьёй, ни Антона с женой здесь нет.

Становится легче. И одновременно больнее.

Потому что мне не хочется видеть его с женой. И потому, что мне нужно увидеть их счастье вживую. Чтобы убедиться, что пять лет назад я сделала правильный выбор. Ведь прошло столько времени, а я всё ещё захожу на его профиль ВКонтакте, чтобы посмотреть, изменилось ли что-то в его жизни. Но Антон мало что выкладывает. Зато никто не придерётся, всё же официально он мой двоюродный брат. А я скучаю. Пора признать это. Скучаю, как ненормальная. Убеждаю себя, что пора забыть прошлое, что станет легче. Но не становится.

Слова о любви к Егору привычно слетают с губ и по сей день. Так же как в день нашей свадьбы, когда я убедила себя, когда сама начала в это верить.

Муж с отцом и дядей уходят к мангалу, мы же женским составом остаёмся в гостиной.

– Мамочка! А блатик пиедет? – взбудоражено спрашивает

Евочка, соскакивая с бабушкиных коленей.

Дочка всё ещё плохо выговаривает букву «р», мы давно ходим по логопедам, но пока толку мало. Месяц назад дочка начала ходить к новому логопеду по рекомендации преподавательницы из детского садика, и я надеюсь, что будут улучшения.

– Приедет, конечно, солнышко! – усаживаю Еву к себе на руки, обнимая. – И тётя Ника с дядей Яном.

– Мой бластик самый класивый бластик на свете! – восторженно рассказывает дочка. Она очень привязана к моему двухлетнему племяннику. Когда-то и так говорила про своего брата. – Если его будут обижать девочки, я их побью!

– Почему Лёвушку должны обижать девочки, милая? – спрашивает мама.

– Потому что все девочки злые злыдни!

– Не обращай внимания, мамуль, – успокаиваю я маму, а то выдумает себе невесть чего. – Просто Ева у нас дружит только с мальчишками.

– Не плавда! Я длужу с Ладой! Но Лада не девочка, Лада большая и доблая!

– А Лада, это? – обеспокоенно смотрю на дочку, потому что это имя мне незнакомо.

– Лада дочка Натальи Васильевны! Она холосая!

Выдыхаю. Наталья Васильевна наш новый логопед. Мы виделись один раз, и я не знала, что у неё есть дочь. Обычно на занятия Еву возит няня. Да, мы всё-таки наняли няню и

педагога в одном лице год назад, чтобы подготавливала Еву к школе. Приходит она к нам только по выходным и один день в будни. По остальным будням дочка до полдника в саду, потом со мной. Зато в выходные теперь посвободнее.

Уж не знаю, почему я так разнервничалась после упоминания незнакомого имени. То ли из-за недавних воспоминаний об измене Егора. То ли из-за ожидания возможной встречи с Антоном меня так мандражит. Ведь последняя наша встреча три с половиной года назад закончилась плохо...

Три с половиной года назад.

Церемония у Ники и Яна была очень красивой. Эти двое искренне любили друг друга, и я была рада, что они наконец-то перестали маяться ерундой, признали свои чувства и поженились. А ведь у них всё могло закончиться ещё на моей свадьбе...

С посиделок, с семьями в ресторане Балийского отеля, молодожёны ушли первые. Минут через десять после них, ушёл Антон до того мне и слова, кроме «привет» не сказавший. Потом я.

Сидела у бара и задумчиво покручивала в руке уже пятый бокал с каким-то цветастым коктейлем, звеня кубиками льда. Вечер в одиночестве вгонял в депрессию, и даже алкоголь не помогал спастись от мыслей об измене мужа. А ещё больнее было от того, что Жуковский даже поговорить не захотел после стольких лет разлуки. И наши взгляды, которые всегда пересекались, теперь постоянно ускользали в сторону.

«Сама виновата. Вспомни, как отвратительно ты с ним поступила, когда он был готов бросить ради тебя всё!» – напомнил мне голос разума в голове. И я была с ним согласна.

Какой-то возрастной мужик так и разглядывал меня с другого конца барной стойки, как будто я была экспонатом в музее, вызывая раздражение.

Нет уж! Хватит с меня! Больно много чести сидеть на курорте и думать о муже с его потаскушкой! Я хотела отомстить, и я отомщу!

Резко вскочила со стула и направилась к одному из корпусов отеля. Ещё утром я подсмотрела, в каком номере разместился Антон. Алкоголь помогал не думать о том, что своим приходом я причиню ему ещё больше боли, чем тогда, когда сказала, что выбираю Егора. Когда соврала, что его люблю, а не Жуковского.

Если Антон только пожелает... А я должна попробовать. Слишком сильно скучала. Слишком сильно любила до сих пор. Может быть, нам стоило прекратить сразу. Много-много лет назад. Но если бы мы прекратили, то не узнали бы вкус греха. Если бы не начали, то не узнали бы, что такая неправильная и аморальная любовь существует. Много лет назад в наших днях таилось сплошное враньё, а в ночах сладостные стоны.

Но враньё или грех – тогда было неважно. Только любовь имела значение. Только она оправдывала всё, что мы сделали. А потом я предала его, потому что испугалась гнева ро-

дителей. Неприятия, осуждения. Сделала ему больно разрушив отношения. И предала снова, окончательно уничтожив всё, что было между нами.

А теперь стояла на пороге его номера и боялась. И всё-таки постучалась в дверь робко. Уже не помнила, когда так сильно дрожали пальцы на руках. Он открыл почти сразу, молча меня впустил, не задавая вопросов.

– Что тебе здесь нужно, Ксюша? – спросил как-то резко.

– Я... Сама не знаю. Но мне захотелось увидеть тебя.

– Я тоже собирался тебя найти.

– Правда?

Наверное, на моём лице загорелась надежда. Неужели и его чувства не прошли? Неужели он смог понять, почему я тогда так поступила? Неужели я всё ещё нужна ему?

Но счастье растаяло слишком быстро.

– На твоей свадьбе я был. Теперь моя очередь пригласить вас с мужем.

Я смотрела на его лицо, надеясь увидеть там улыбку или ухмылку, ведь Антон всегда отшучивался, когда ему было плохо. Но мужчина был крайне серьёзен. Взял с тумбочки фиолетовый конверт с вульгарным бантом и протянул его мне.

– Ч-что это? – неверяще спросила я, не спеша открывать конверт.

– Приглашение на мою свадьбу, – спокойно ответил Жуковский.

Я всё ещё не могла поверить в это. Не могла или не хотела. Тупица, неужели думала, что он всю жизнь меня ждать будет? Сердце в груди забилося так глухо, болезненно.

– Я через полгода женюсь, – уже тише добавил он.

Эти слова отдались эхом в голове. И тогда внутри меня что-то окончательно сломалось. Дышать сложно стало, нереально. Меня повело, перед глазами было туманно, а на душе горько.

– Хочешь, чтобы я пришла? – стараясь скрыть дрожь в голосе, спросила я.

– Конечно. Ты о прошлом забыла, я тоже забыл. Но ты всё ещё мне дорога, как сестра, разумеется, – без раздумий откликнулся он.

– Хорошо. Я постараюсь... Если Егор захочет... Я... – таторила, запинаясь. – Мне пора.

И выбежала из его номера так быстро, что очнулась только тогда, когда лифт открылся на первом этаже.

Один-один. Счёт теперь равный. Мы рассчитались уже за свою любовь болью, причинённой друг другу. Больше у нас нет прав на ошибки. Я вернусь к мужу, а он будет счастлив со своей женой. Так и должно быть. Так правильно.

Наши дни.

Громкий и внезапный звонок в дверь бьёт по ушам. От неожиданности я дёргаюсь, цепляясь за ножку стула чулком. Вот же чёрт его дери! Уродливая полоска расплзается на полупрозрачном капроне. Моё настроение становится ещё

хуже.

– Блатик пиехал! – вскрикивает Евочка и спрыгивает с моих колен, чтобы побежать за мамой, которая уже пошла открывать дверь.

– Стой, Ева! Упадёшь же! – бегу за дочкой.

Разбитые коленки, локти и подбородок наше всё. Летом Евушка королева нашего двора по количеству решёток из зелёнки или йода. Как не следи за ней, она всегда умудряется погнаться за мальчишками и упасть. Этим летом дочь напугала меня до полусмерти, когда залезла с соседским мальчиком на дерево. Хорошо успела её поймать. Прямо как мы с Никой в детстве, такие же непоседы были.

Ловлю Еву в коридоре за руку. Выпрямляюсь и чуть ли не врезаюсь в высокую фигуру. Втягиваю носом воздух, ощущая слишком знакомый запах. Тот, что забыть за столько лет не смогла, как бы не пыталась. Родной аромат, к которому примешивается запах табака. Поднимаю голову, и натякаюсь на голубые глаза.

Он. Замираю в оцепенении. Дышать не могу. Сердце сжимается в панике. А жар его тела даже несмотря на то, что между нами несколько сантиметров, плавит мою кожу через ткань сатинового красного платья. Мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что ничего не прошло. Процесс полного саморазрушения запускается по новой.

Антон. Какой же он стал. Ведь ему уже тридцать один. Статный, высокий, щетинистый подбородок и стильная

стрижка на светлых волосах. Дорогой тёмно-синий пиджак, светлые джинсы, и светлая рубашка, расстёгнутая на пару пуговиц. Плечи нереально широченные. Заметно, что подкачался, раньше был совсем худенький. Черты заострились, стали мужественнее.

Бог ты мой! Как же он притягателен. Невероятно. С годами только красивее. Взросление ему к лицу, больше чем Егору. Редкие фото в его профиле не передавали и частицы реальности. Они не передавали его фантастическую харизму и неотразимость. Откуда в Жуковском вся эта хищная власть, которая готова снести меня с ног? Ещё три с половиной года назад он таким не был.

– Здравствуй, Ксюша.

Самоуверенная незнакомая мне улыбка, дерзкий взгляд голубых глаз, а я готова умереть прямо на месте. Потому что рассудок больше не в порядке. И сердце не в порядке. И он видит, знает, что это из-за него. Это полнейший крах. Как же я влипла!

Глава 3.

– Здравствуй... – радуюсь, что не дрожит голос.

Зато дрожат руки, опять. И ноги не слушаются, не желая удерживать меня в вертикальном положении. А он осматривает меня не стесняясь. И отодвигаться даже не думает.

– Ты изменился, – говорю зачем-то я.

– Все меняются. Ты тоже другая. Платьице такое скромное. Волосы отрезала, но тебе идёт, – хрипотца в его голосе отдаётся мурашками по коже, а во взгляде скользит что-то такое, нагловатое, животное.

Он замечает. Конечно, замечает, ведь раньше так любил мои длинные волосы. Я долго пыталась сохранить их после беременности, но не вышло. Пришлось остричь.

– Мамочка, это кто? – подаёт голос дочка.

– Зайка, это – дядя Антон.

– Просто Антон.

Он улыбается моей дочери так лучезарно, радостно. Ева сразу тает и начинает что-то лепетать, рассказывая ему. А мой взгляд упирается в женщину, которая входит в родительский дом за ним. Рыже-русая, кареглазая, худенькая, пухлогубая. Красивая и от этого ещё обиднее. *Его жена*. Та, кто делит с ним дни и ночи. Она, не я.

Здороваюсь с ней, делая вид, что рада знакомству. Юлиана, но просит называть её Юлей. Как будто я её имени не

знаю. Раздражаюсь сразу, хотя Юля ни в чём не виновата. И оставив Еву под присмотром мамы, убегаю на второй этаж в ванную комнату, под предлогом, что мне нужно замазать лаком порванные чулки.

А за закрытой дверью пытаюсь успокоить дыхание, страшась взглянуть в зеркало. Потому что боюсь увидеть там свой взгляд. Такой, который только рядом с ним появляется. Окунаю руки под холодную воду, и стою так минут пять, охлаждая разум. Никто не должен заметить моё состояние.

Разбираюсь с чулками, расчёсываю волосы, поправляю и без того безупречно наложенную тёмно-бежевую помаду.

И вот, я спускаюсь вниз. Стол почти накрыт, маме и тёте помогает жена Антона, из-за чего я ещё сильнее злобствую. Это мой дом, ёлки-палки! А она хозяйничает тут, как у себя!

Жуковскому, видимо, кажется забавным сесть рядом со мной на маленький двухместный диван, усадив мою дочь себе на колени. Коснуться своей ногой моей, своим плечом моего. Как назло, тётя Лена тут же умиляется, причитая, как Антону идёт ребёнок и начинает нас фотографировать.

Наконец-то возвращается отец, дядя и мой муж с шашлыком. Я тут же убегаю на кухню за очередными тарелками. И когда возвращаюсь в гостиную, слышу долгожданный звонок в дверь. Наконец-то Ника!

Сестра появляется в доме с Яном и их сынишкой. Она выглядит великолепно: волосы отрастила до поясницы, как всегда и мечтала, загорела после их отпуска с мужем, а на лице

счастье. Нике беременность и замужество пошли на пользу. Мы обнимаемся, я целую племяшку в лобик. Лев и правда красивый малыш. Сероглазый в родителей, темноволосый в Яна, и на удивление кучерявый.

Садимся за стол. Мама и тётя постарались на славу, хоть праздник только завтра. Тут и морковный салат в виде большого оранжевого дракона, который тут же вызывает восторг у деток, печёные овощи, картофель и грибы на мангале. И естественно шашлык, который приготовили мужчины. Знаменитые на всю семью соленья тёти Лены, паштет из печени индейки, блинчики с начинкой из жульена, канапе с сыром и фруктами, домашняя буженина, кальмаровый салат, овощной салат и крабовый салат. Евочка его любит. А ещё заливное из судака и домашняя копчёная старшим Жуковским рыбка. Мама по секрету шепнула, что нас ещё ждёт домашний наполеон приготовления папы. А для малышей имбирное печенье. Отец всегда был силен в десертах.

Напитков тоже много, на любой вкус. И полезные морсы для Евы и Лёвы. И два вида лимонадов для непьющих. Коньяк, вино, водка, кремный ликёр. И клюквенная настойка, приготовленная дядей Женей. Евочка тут же капризно требует газировку, которую ей всегда покупает отец. Она жить не может без «Тархуна», и из-за этого у нас постоянные споры с Егором.

Вдруг, Жуковский наклоняется к моей дочке, что-то шепчет ей на ушко, и Ева тут же соглашается пить морс. Мне

дико странно, что моя дочь так быстро потеплела к незнакомому для неё мужчине. Муж тоже замечает это и удивляется.

– Ах, как прекрасно Тоша ладит с детками. Когда уже вы подарите нам внуков, Юленька? – причитает тётя Лена.

– Я очень хочу, но Антоша пока не готов. Всё работа да работа, – скромно отвечает его жена.

– Ага, большой брат как был скучным трудоголиком, так и остался, – хихикает Ника.

– Молчала бы, Николяшка, – усмехается Антон. – Сама на днях жаловалась, что хочешь уже на работу.

– Да, но ещё год в декрете сидеть, – вздыхает сестра.

– И, Ян, ты позволишь жене работать? – вступает в диалог Егор.

– Конечно. Ника вольна делать то, что хочет.

– Но жена должна сидеть дома и заботиться о муже и детях!

Только не это. Егор, что б его, уже выпил пару стопок водки и снова решил поспорить с мужем сестры. А ведь до полуночи ещё четыре часа! Они друг друга невзлюбили с первой же встречи. Ян и Антон сдружились во время подготовки к моей свадьбе и всегда были на одной стороне. Ника Егора на дух не переносила ещё до моей свадьбы.

Это было второй причиной, кроме моего страха видеться с Жуковским, по которой мы пропускали семейные праздники. Третьей было то, что муж пообещал своим родителям, что год мы встречаем новогодние праздники с ними, год с

моими. Так же и со всеми другими семейными празднествами. Прошлый Новый год мы отметили с семьёй Багрянцевых. В позапрошлый я буквально выпросила у мужа поездку в горы в отпуск. В эти два года Антон приезжал с женой к родителям. А три года назад, когда тут были мы с Егором и Евой, он с женой отсутствовал. Ника сказала, что он повёз её на Миконос, в Грецию. Тогда я злилась целую неделю, а ещё неделю проплакала, потому что этот маленький островок в Эгейском море был нашей с ним мечтой... Он не имел права везти другую именно туда!

– Вроде рабское право отменили много лет назад, – язвит Ника в ответ моему мужу.

– Успокойтесь, дети.

Все разом замолкают, потому что с дядей Женей никто и никогда не спорит. Мама тут же заводит новую тему для разговора, но я не слушаю. Киваю автоматом, а настроение ниже плинтуса. Всё не так, как должно быть. И атмосфера уже не та.

Хотя бы дочка счастлива. Сидит с прабабушкой и братиком возле ёлки и во что-то играет.

– Оксаночка всегда бегала жаловаться Никуше и Антону, если мы её ругали. Или если её обижали, – слышу обрывок фразы мамы, и кидаю на неё внимательный взгляд.

– Ты о чём, мам?

– Рассказывала твоему мужу, как мы нашли у тебя сигареты после посвящения в институте.

– Не знал, что ты курила, – недовольно произносит Егор.

– Не курила. Просто попробовала, и то мне не понравилось. А мама сразу навела панику...

– Да, ссора была неприятная. А ты сразу же сбежала в дом к Жуковским, как обычно. А когда тебя тот мальчик обидел на первом курсе? Тут же пошла и Антону пожаловалась. Помнишь?

Я помню. Прекрасно помню. Кошусь на Антона и замечаю его задумчивое выражение лица. Он тоже помнит, не может не помнить.

Девять лет назад.

Я шла по плохо освещённой улице и смотрела под ноги. В наушниках играла одна из песен, которую я в те годы обожала.

До дома Жуковских ещё пару соседских, а я уже ощущала нервозность. Только неделю назад я поругалась с мамой из-за дурацких сигарет, да так, что она чуть ли не забирать меня с института собралась. А теперь этот болван с третьего курса из-за того, что я его отшила, никак меня в покое не оставлял. Не могла же я маме сказать об этом после прошлой ссоры. И это угнетало. А ещё угнетали мысли о том, не прогонит ли меня Антон. Я шла к ним домой, потому что сбежала из своего. Но там не было Ники. Сестра с родителями уехали помочь отцу дяди Жени, и она по телефону сказала, что они ещё не вернулись.

Антон молча впустил меня в дом, и наблюдал за мной,

прислонившись к стене. На его лице было такое странное выражение обеспокоенности, наводящее меня на не менее странные мысли. Взглянула в зеркало: и правда, вот же глупая! Выгляжу, как будто трагедия мирового масштаба случилась! Почти чёрные длинные волосы спутались, губы распухли и обветрились из-за слёз, а тушь размазалась под глазами.

– Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Он коснулся рукой моей щеки, медленно провёл по ней, стирая пятно от туши. Я засмузилась и опустила голову, потупившись в пол. Эта реакция, показалось, огорчила Жуковского, и он тут же отодвинулся, отойдя на пару шагов назад.

– Нет... То есть да. Я просто... Не знала, куда ещё пойти. Можно я тут с тобой посижу?

– Можно. Опять с мамой поссорилась?

Мы прошли в кухню дома Жуковских. Я села за стол, а Антон встал напротив, прислонившись к столешнице.

– С чего ты взял?

– Ника шепнула по секрету про твои сигареты. Зачем курить начала, м?

– Да не мои они, однокурсница попросила спрятать! Я только одну попробовала, и то мне не понравилось! – тараторила я. – И вообще, мне уже восемнадцать, если захочу курить, буду курить!

– То, что тебе восемнадцать, не значит, что нужно гробить своё здоровье, Ксю. Я бы не хотел, чтобы ты курила.

– Не веди себя, как занудный старший брат, – съязвила я.

И только потом поняла, что сказала. Он ведь и есть мой старший двоюродный брат. Официально, конечно. И это только моя проблема, что уже два года я его воспринимала несколько иначе...

– Нет, дело не в маме, – перевела тему я. – Понимаешь... Есть один парень, который меня достаёт. Я его отшила, и теперь он мстит.

– Мстит? Что он тебе сделал?!

– Распускает разные грязные слухи... Говорит всем, что мы с ним... В туалете, на посвящении...

– Скажи мне его имя. Я убью его!

Столько злости в его голосе, меня аж передёрнуло от этого тона. Я раньше не видела Жуковского таким. Всё пространство вокруг него было пропитано агрессией. Каждая клеточка его тела была пропитана гневом, а тело била дрожь. В его крепко сжатых кулаках читалось острое желание совершить глупость. А глаза, всегда напоминавшие мне чистое голубое небо, походили на штормящее море. Такие же тёмные, опасные.

– Нет! – я вскочила со стула и подошла к Антону, схватив его за руки. – Ты же не такой! Ты хороший, добрый, рассудительный. А я не хочу, чтобы тот дурень просто получил по морде! Я рассказала тебе не для этого! Просто хотела выговориться. Зря я вообще пришла...

– Он посмел обидеть тебя и должен быть наказан! Никто

не имеет права распускать про тебя слухи!

– Нет. Я сама должна разобраться с ним, понимаешь?

Переместила свои руки на его щёки, схватив за лицо и вынуждая смотреть на меня.

– Я ведь переживаю за тебя, глупая...

Антон на грани, и я прекрасно это чувствовала. И в следующую секунду сделала то, о чём последнее время могла только мечтать. Впилась своими губами в его манящие губы. Две секунды, и он наконец-то ответил, захватив своими губами мой рот, сменяя всё на своём пути. Наш первый поцелуй настолько отчаянный, что я тут же забыла о том, что это неправильно, что нам нельзя. Для меня существовали только губы неродного брата, ласкавшие так нежно, страстно и развязно одновременно. Существовали его руки, бешено сжимающие меня в своих объятиях. И наше жаркое дыхание, ставшее одним на двоих.

Но неожиданно Жуковский отпустил меня, покачав головой. И поспешным шагом удалился на второй этаж. Хлопнула дверь в его спальне. А меня задушила тишина кухни.

Пугающие мысли закрутились в голове. Зачем я сделала это? Зачем испортила нашу дружбу? Он подумает, что я ненормальная! А я и чувствовала себя ненормальной, ведь мне безумно понравилось то, что делал со мной Антон. Что он целовал меня. И было наплевать на все запреты и границы.

Хотелось убежать обратно домой, но вместо этого я пошла

за Жуковским. Молча зашла в его спальню. Всмотрелась в напряжённую спину. Тихо подошла к нему и коснулась плеча. Антон обернулся, посмотрев полным боли взглядом.

– Уходи, Ксюша.

– Нет. Я должна объяснить...

– Мы были на эмоциях и сделали глупость. Забудем об этом. Уходи, – отстранённо проговорил он и отвернулся обратно к окну.

– Что, если я не хочу уходить? – прошептала я, проведя ладонью по его спине.

– Тогда я за себя не ручаюсь, – он обернулся опять, а на его лице играла печальная улыбка. – И ты возненавидишь меня за это, поверь.

– Ты тоже?

– «Тожe» – что? Смотрю на тебя, как не должен смотреть? Думаю о тебе, как не должен думать? Хочу того, что делать нам запрещено?

– А что, если я хочу, чтобы ты за себя не ручался? – мой голос совсем тихий, неуверенный. Но его слова вселили надежду, что я не одна на грани безумства. – Что испытываю те же самые чувства? Чёрт побери, Антон, я всё понимаю! Но поделать с собой ничего не могу...

Жуковский погладил меня по щеке, провёл рукой по шее и притянул к себе. Коснулся поцелуем моих губ, нежно и робко, как будто боялся спугнуть. Я положила руки ему на плечи, он обнял меня за талию, прижимая к своему разгоря-

чённому телу.

Как же я давно мечтала об этом. Представляла это, за что каждый раз корила себя. У меня уже был опыт и первый парень. Но он был заменой. Попыткой уничтожить в голове мысли о неродном брате, починить себя, исправить. Но ничего не вышло. Потому что я хотела только Антона. До одури. До головокружения. Всем телом и душой.

– Моя, – прошептал Жуковский, стягивая с меня кофточку.

– Мой, – прошептала я в его приоткрытые губы, не в силах разорвать зрительный контакт.

И сгорая в нашем общем безумии, мы переместились к постели...

Наши дни.

Отрывки воспоминаний нашего первого раза переливаются под опущенными веками. Слишком детально, ярко. Даже спустя столько лет. И вроде бы этим воспоминаниям давно пора стереться, размыться, угаснуть. А эмоциям утихнуть. Но они словно издеваясь регулярно вылезают на поверхность моего многострадального разума. Сколько бы я ни пыталась им сопротивляться.

Картинка нашего безумия, развернувшаяся на адски неудобной односпальной кровати, где в главной роли была я и он.

«Нет-нет-нет! Только не сейчас, прошу!» – мысленно молюсь я.

Резко открываю глаза, осматриваясь как ненормальная, не заметил ли кто из родственников, что я тут с ума решила сойти окончательно по собственной воле. Но нет. Никто не замечает. Никто, кроме него. Вижу это во взгляде, в плотно сжатых губах.

И вливаю в себе очередной бокал вина, думая только о том, как пережить этот вечер.

Глава 4.

На часах десять вечера. Еле уговариваю Еву пойти спать. И так засиделись, обычно она засыпает в районе восьми. Из-за праздников весь график сна собьётся. Дочка капризничает, но я применяю хитрость, обещая, что с утра Егор покажет её на плюшке с небольшой горочки через три дома, а потом мы вместе слепим снеговика.

Тётя Лена и бабушка уже ушли с Лёвой домой к Жуковским, позволяя Нике с Яном немного отдохнуть и посидеть с нами подольше. Спускаюсь по лестнице и вспоминаю, что забыла в машине свою аптечку. А ведь мне нужно принимать гормональные ежедневно перед сном. Прошу у мужа ключ, обуваюсь, накидываю шубку и выхожу во двор. Открываю чёрную «Тойоту» Егора и достаю аптечку. И только когда закрываю машину, замечаю сбоку дома, в тёмном углу Антона, который на удивление курит.

– Ты ведь никогда не курил, – медленно подойдя, говорю я. – Я сказала, что ты изменился. Но не думала, что настолько.

Мне не стоило подходить к нему и заводить разговор наедине, но я подошла.

– Осуждаешь? – ловлю его ухмылку. – Надеюсь, нотаций не будет?

Хочется фыркнуть и красноречиво закатить глаза. На са-

мом деле ему даже идёт. Я затаиваю дыхание, заворуженно наблюдая за дымом, устремляющимся в морозное небо. Антон курит красиво. Со вкусом. Как будто смакует. Глубоко затягивается, немного прикрыв веки и откидывая голову назад. А после выпускает дым на плавном долгом выдохе.

– Просто интересуюсь. Когда ты успел стать таким?

– Тебе честный ответ?

Сигарета снова возвращается к его губам. Яркий огонёк мгновенно светится в темноте, выхватывая мужественные скулы. Мне вдруг так хочется почувствовать вкус табака на его губах. Но я просто смотрю, упиваясь этим неприкрытым, почти интимным наслаждением.

– Честный.

Жуковский проводит кончиком языка по нижней губе, а я вздрагиваю, потому что взгляд голубых глаз сейчас напоминает прищур настоящего хищника готового к охоте. Или это выпитое вино так злобно дорисовывает дурманящий образ?

– Сразу после твоей свадьбы, Ксю.

После этих слов, Антон снова выпускает сигаретный дым, который туманом повисает между нами. И через эту дымку я могу разглядеть только его внимательно смотрящие глаза. Но завеса исчезает слишком быстро, и я не нахожу слов, чтобы ответить ему. Я во всём виновата. Я всё разрушила. Дважды.

Собираюсь позорно сбежать, но Жуковский хватает меня за запястье и тянет на себя, заставляя встать между его

разведённых ног. Мои ладони автоматически ложатся на его плечи, и только сейчас я замечаю непонятный жар, опаляющий мою кожу.

– Обижаешься? – выдыхает он мне в волосы.

А по позвоночнику уже разбегаются мелкие колкие мурашки. Он и правда другой. Раньше, больше меня боялся, что кто-то увидит, что узнают родители. Однажды я даже хотела во всём признаться маме, а Антон струсил. Сейчас же ему всё равно. Антон не боится, что кто-то выйдет и застукает нас. Ведь никто и подумать не может, что ему придёт в голову совращать меня.

– У тебя замечательная дочь. Она могла бы быть нашей дочерью, пусть она и от него. Но ты решила всё за нас двоих, когда соврала мне, что не любишь.

– Я не...

– Не держи меня за идиота, Ксю. Думаешь, не понял, когда узнал о твоей беременности? Мне до сих пор тошно видеть тебя рядом с ним. Омерзительно. И муж твой всё такой же омерзительный олух. Тебе не противно с ним спать?

– Пожалуйста, перестань.

– Знаешь, отвратительно было наблюдать, как он говорит своё «да». Как ты отвечаешь ему то же самое. Как он уже тогда, у арки, предвкушал, что увезёт тебя в номер для новобрачных, где отымеет на дорогих простынях. Тогда я был слабаком. Сейчас бы просто выкрал тебя в том твоём идиотском белом платье.

– Зачем ты говоришь мне всё это? Замолчи, умоляю, – дрожу, пытаюсь отстраниться из наглых объятий.

Дрожу, из-за того, что мне хочется вернуть время назад и позволить ему выкрасть меня. Позволить сорвать свадьбу, присвоить, оставить алые метки на коже. Позволить именно ему затащить в номер отеля и делать со мной всё, что Жуковскому вздумается.

– А ты всё такая же. Нежная, хрупкая. До одури боишься, что нас увидят, но до сих пор хочешь меня, – хмыкает он. – Даже не пришла на мою свадьбу. Струсил?

– Ева болела... И я не...

Опять не даёт договорить. Тушит окурок о подоконник, выбрасывая его в снег, прижимает сильнее, забираясь руками под шубу и проводя ладонями по спине.

– Как часто ты вспоминаешь? – его пальцы спускаются по бедру, задевая кромку чулка. И скользят выше, по оголённой коже. – Жалеешь, что я тогда не взял тебя на Бали, когда ты пришла ко мне в номер именно за этим? – снова нагло ухмыляется. – Я видел сегодня твой взгляд, когда ты вспомнила о том первом разе. Часто думаешь обо мне, когда этот выродок имеет тебя, Анисимова?

Часто. Чаше, чем Антон мог бы себе представить. Как с ним, не было с мужем. Даже обидно. Не сбивало мгновенно накотившее желание с ног. Не было мыслей отдаться, послав всё на три известных. Егор всегда был заменой с самой первой встречи. Вынужденным выбором. А у меня были мои

фантазии и воспоминания.

А теперь моя фантазия стоит так близко. Желанный, горячий, заставляет вспомнить всё и захотеть снова быть его. Ничего не изменилось за эти годы. Ненормальная связь всё ещё осталась. Как бы я ни пыталась стереть в памяти его касания, поцелуи.

Облизываю пересохшие губы, тут же браня себя за это. И Антон воспринимает это как знак. Хватает меня за подбородок, притягивая лицо к своему. Касаясь кончиком носа моего. Обдавая дыханием у губ.

– Нет. Я давно не Анисимова, и ты ошибаешься!

Кричу на грани истерики. Вырываюсь из его хвата, делаю несколько шагов назад, чуть не поскользнувшись на замёрзшей лужице. И взбегаю на крыльцо, торопясь, чтобы он не успел нагнать.

В коридоре натыкаюсь на обеспокоенную двоюродную сестру. Ника скептически осматривает меня, выгибая бровь:

– Ты как будто призрака увидела.

Так есть. Призрак моего прошлого. Её любимый брат. Наша запретная для разговоров тема.

– Всё в порядке...

– Я Антона ищу. Его давно нет, – на лице Левицкой появляется понимание. – И тебя давно не было. Вы были вместе?

– Я...

Снова не могу найти слов. Всегда, когда дело касается него, я превращаюсь в мямлю.

– Значит, были, – злится Ника. – Пошли.

Она берёт меня за руку и тащит за собой в кухню. Тут темно и мы достаточно далеко от гостиной, чтобы нас не услышали.

– Ник, послушай, давай не будем...

– Нет, это ты меня послушай, – перебивает она. – Я знала, что ваше совместное присутствие ничем хорошим не закончится. Я говорила тебе много лет назад, что ты совершаешь ошибку. Говорила, что нельзя решать за него. Говорила же?

Мы с сестрой не ругались ровно пять лет. Потому что Антона не было в моей жизни ровно столько же. И я представляла насколько ей тяжело было все эти годы разрываться между нами.

– Да, говорила. И мы сейчас просто разговаривали!

– Ваши разговоры никогда не заканчивались разговорами. Ты ему сердце разбила дважды. И оба раза я простила тебя, потому что вы мне дороги, чёрт вас дери! Но ты сделала свой выбор тогда. Брат почти пришёл в себя, почти выбросил тебя из головы. После своей свадьбы он словно стал другим человеком. Прошу, перестань мучать его и себя, ковыряя успешшие зажить рубцы.

– Ник...

– Наверное, я никогда не дождусь того дня, когда вы перестанете любить друг друга, да? – печально улыбается сестра, меняясь в тоне.

– Я знаю, что я тварь, которая разбила его сердце. И я

больше не допущу ничего подобного. Я замужем, он женат. Так всё и останется.

– И вы оба несчастливы.

Удивляюсь. Мы никогда не говорили об этом.

– Мы разрушили жизнь друг друга однажды вступив в отношения...

А потом я разрушила наши жизни изменив Антону с Егором. Тогда Жуковский был на практике целых полгода, отстранился от меня. Мы постоянно ссорились, потому что я хотела раскрыть наши отношения, признаться во всём нашим семьям, а он боялся. Я тоже боялась, но очень устала скрываться. Егор всегда ошивался рядом. Он знал, что у меня есть парень, но не знал кто. Он был навязчивым, но безобидным. Смешил, веселил. С ним я чувствовала себя важной и нужной, в то время, когда Антон думал и говорил только о работе. Из-за этого я ощущала себя покинутой, одинокой. У меня снова были проблемы в институте, я тогда поругалась с подружками и очень переживала, потому что одна из девчонок распространила про меня неприятные сплетни. Я была подавлена, переживала и даже хотела бросить учёбу. Антон был далеко, постоянно занят и часто сбрасывал мои звонки. Именно тогда, когда мне нужна была его поддержка. Это не оправдывало того, что я сделала, конечно же. Но в один такой вечер, на вечеринке, я перебрала алкоголя, а Егор будто того и ждал, подливал ещё и ещё, пока пыталась дозвониться своему парню. В итоге, Багрянцев дотащил меня

до общежития, где я выплакалась ему в плечо, пока он снова подливал мне что-то крепкое. А потом... Мы переспали.

Наутро я сразу же пожалела об этом и решила всё честно рассказать Антону. Вот только он ожидаемо не простил предательство. Вычеркнул меня из своей жизни, не желая выслушать. Я долго пыталась поговорить с ним, вернуть всё назад. А потом сдалась и выиграла гордость. Я устала пытаться чего-то добиться от него. Сдалась. Начала отношения с Егором, чтобы забыть Жуковского.

– Ксюш, я тебя попрошу об одном, – строго выговаривает Ника, вырывая меня из мыслей. – Не смей давать ему надежду, сближаться, снова уничтожать его. Не смей, если и в этот раз не готова всё бросить и быть с моим братом.

– Я не стану. Обещаю.

И я правда не собираюсь этого делать. Только Антон, кажется, настроен иначе, и моё мнение его мало волнует.

Глава 5.

Тридцать первое декабря. Утро наступает неожиданно резко, когда дочка прибегает в нашу с мужем спальню и начинает прыгать между нами на кровати.

Смотрю на время – одиннадцать часов. Значит, мама с папой позволили нам подольше поспать, занимаясь внучкой. Нужно обязательно сказать им за это спасибо.

Егор встаёт недовольный. Вчера он перебрал с алкоголем, хоть я и просила его пить поменьше. Но он никогда меру не знает. Теперь пьёт только по праздникам, но это всегда заканчивается ссорами. Обычно Егор более спокойный, но под воздействием алкоголя становится агрессивным.

Вот и вчера ночью, когда мы пошли в спальню, почти сразу после моего разговора с Никой, муж снова начал придирается ко всяким мелочам. Почему я не защитила его перед сестрой и Яном, почему не показала себя хозяйственной и вместо меня по большей части маме с тётёй помогала жена Антона, почему я позволила себе выпить, почему смеялась над шутками Яна и Антона, вместо того чтобы молчать и смеяться только над шутками Егора. Пригрозил мне, что если я удумаю брать с сестры пример и соберусь на работу, то мы поговорим «по-другому». И наказал «не позорить его» и с утра приступить к готовке праздничных блюд.

Я не стала ругаться с ним в родительском доме. Не хоте-

ла, чтобы услышала дочка или мама с отцом. Сказала, что поговорим утром.

И вот, когда я обещаю Еве, что мы сейчас спустимся и малышка вприпрыжку покидает нашу комнату, Егор решает извиниться:

– Ксень, прости. Вчера перебрал. Ты не обижаешься?

– Если пообещаешь сегодня не пить так много, то проехали, – холодно отвечаю я.

– Ты мне запрещаешь пить в новогоднюю ночь? – начинает распялаться муж.

– Багрянцев, ты издеваешься? Когда ты пьёшь, ты ужасен! Вечно споришь с моими родственниками, постоянно придираешься ко мне. Тем более, Евочка захочет сидеть с нами до полуночи, не хочу, чтобы она видела папу таким!

– Ты не можешь мне указывать! Уже понабралась от своей сестрицы дурости?! Так и знал, что лучше праздники встречать с моей семьёй!

– Ах, конечно, с твоей! Там, где ты как король будешь сидеть на диване, вокруг тебя буду бегать сестра и мамочка, подливая и подавая закуски, вытирая рот салфеткой! А мои родственники такие ужасные, в прошлую Пасху раз попросили тебя за грилем последить и стейки перевернуть! Ты же чуть не умер от такой нагрузки, дорогой!

– Ты специально затеваешь ссору, Оксана? Специально меня провоцируешь?

Называет полным именем, значит взбешён до предела.

– Я ничего не затеваю, всего лишь попросила тебя пить меньше. Неужто так сложно хотя бы один раз уступить мне?

– Я сам разберусь! – муж грубо толкает меня в плечо и направляется к двери. – А с тобой мы ещё дома поговорим.

И с этими словами он покидает спальню.

Меня передёргивает. Становится жутко холодно, и я обнимаю, себя за плечи. В прошлый раз его слова: «С тобой мы ещё дома поговорим» вперемешку с алкоголем закончились очень плохо.

Два года назад.

В тот весенний вечер я была на дне рождения своей давней подруги Амины. Мы дружили с института, Егор хорошо её знал, поэтому отпустил на праздник спокойно. Сам же пошёл с коллегами в ресторан, тоже решил отдохнуть и отметить какую-то сделку. Евушка гостила у моих родителей.

Я вернулась домой, опоздав минут на пятнадцать. Даже несмотря на смс-ки мужа со словами: «Ты опаздываешь! Только вернись, дома поговорим». Всё равно попросила таксиста высадить меня немного не доезжая дома, на аллее. Аллея у нас красивая, там как раз зацвела сирень и мне захотелось просто прогуляться, весенним воздухом подышать, полюбоваться цветением природы.

Зайдя в квартиру, поняла, что муж уже дома. Он сидел в гостиной, в дорогом чёрном костюме, даже не сняв ботинки. Нахмурилась – опять напился. Увидев меня, Багрянцев молча поднялся и приблизился ко мне.

– Где ты шлялась?

– Прогулялась возле дома, воздухом подышала.

– С тем бородатым мужиком?!

Я не сразу поняла, о чём Егор вообще говорил.

– Каким мужиком?

– Дуру из себя не строй, Оксана! – выкрикнул он и пошатнулся, но удержался за стену. – Я видел видео с дня рождения твоей Амины! Ты сидела рядом с бородатым мужиком, улыбалась ему! Для него нарядилась? Для него волосы уложила? Как быстро ты ему дала, а?!

– Егор, ты совсем из ума выжил? Несёшь ересь! Это родной брат Амины, женатый человек, глубоко верующий мусульманин в конце концов!

– Ты тоже была несвободной, когда отдалась мне! – ударил по больному. – Что мешает тебе раздвинуть ноги перед ним в браке со мной?!

– Совсем ополоумел? Не сравнивай меня с собой! Я тебе не изменяла в браке! Это ты спал со своей секретаршей и вёл себя как похотливая паскуда!

Он не ответил. Вместо этого замахнулся и ударил меня.

Я не думала, что муж может это сделать, даже когда начал кричать, даже когда его крик сменился страшным рыком и бранью сквозь зубы. Он замахивался и раньше, будучи пьяным, но никогда меня не бил.

А теперь ударил так сильно, что слёзы невольно брызнули из глаз.

– Ты как разговариваешь с мужем, дрянь такая?! Я выбью из тебя эту дурь!

Он толкнул меня в стену. Не знаю, как я устояла тогда на ногах, но спиной ударилась больно.

Шок. Ступор. Страх.

Сердце бешено колотилось, мне было больно, горела щека. У Егора взаправду оказалась тяжёлая рука, тогда я поняла значение этой фразы. Вытерла слёзы и приложила ледяные пальцы к саднящей болезненно коже.

Муж снова приблизился ко мне. Я была уверена, что он собрался извиниться, вымолить прощение, но Егор грубо шлёпнул меня по руке, которой я прикрывала пострадавшую щёку. Прошло пару секунд, и его рука оказалась на моей шее. Впившись пальцами в неё, он сильно сжал меня за горло, принося жуткую боль. Мой страх быстро перерос в настоящий ужас.

– Е... Егор... Прек... Прекрати! От... Отпусти! – с большим усилием смогла прокряхтеть я, пытаясь убраться от себя его руку.

– Поклянись, что ты не спала с тем мужиком! Попроси прощения за свои слова и скажи, что больше так не будешь, ясно?!

Хватка мужа ослабла, позволяя мне сделать глубокий вдох.

– Клянусь, я не спала с братом Амины! Даже в мыслях не было...

– Не слышу извинений!

Он опять грубо впечатал моё тело в стену. Я попыталась сопротивляться, но без толку. Даже пыталась отбиться, кричать, и, наверное, мой громкий крик перебудил всех соседей. Всё тщетно. Муж был сильнее. И мне оставалось надеяться, что он просто отключится из-за выпитого, а я смогу сбежать.

– Хватит! Умоляю, хватит! – уже в истерике орала я. – Приди же в себя, Егор! Отпусти меня!

– Извиняйся! Скажи, что ты только моя!

– Мне не за что извиняться, Егор!

Он снова ударил меня. И я тут же почувствовала вкус крови на собственных губах.

– Прошу, прости... Прости меня... Я больше так никогда не буду... Я твоя. Только твоя... – лепетала я, молясь, чтобы этого хватило, и он отступил.

И он отступил, отпуская меня. Багрянцев тут же изменился в лице, он шарахнулся в сторону, схватился за голову. Протянул руку, пытаясь стереть кровь с моего лица.

– Прости... Прости... Я монстр... Я ревную тебя даже к своим глазам... Я-я всё испортил... Что же я натворил...

А я пошевелиться не могла, просто стояла, смотря на него, и дрожала. Губы мужа дотронулись до моих. Он поцеловал меня. А у меня закружилась голова, то ли от страха, то ли от бредовости происходящего.

– Кровь... У тебя кровь... – шептал он. – Это пройдёт, заживёт... Снова будешь красивой... Ты у меня такая кра-

сивая... Ты простишь меня?

Он притянул моё каменное тело к себе, обнял и начал рыдать. Его щека касалась того места на моей щеке, куда он ударил меня и солёные слёзы жгли болью. Но я стояла и терпела, боясь пошевелиться.

– Любимая, ты же простишь меня? Это же ты виновата, понимаешь? Ты довела меня. Сама вынудила. Я бы никогда... Простишь? Я изменюсь, клянусь! Никогда больше, никогда! Закодируюсь, хочешь? Только прости, любимая!

А я сказала, что прощу. Потому что боялась, что, если не скажу, он снова ударит меня. Или убьёт. Пообещала, что прощу. Думала, что смогу простить.

Наши дни.

В итоге простить не могу до сих пор. Но всё ещё с ним. Потому что не смогла рассказать никому из семьи об этом. Не смогла расстроить маму и папу. Не смогла заикнуться Нике – зная сестру, она либо сама избил бы Егора, либо пожаловалась бы Яну. Ещё хуже Антону. Мне было стыдно и страшно говорить об этом, ведь я сама выбрала Багрянцева. Пусть и ради дочери. Сама во всём виновата и теперь мне нести эту ношу долгие годы.

В глубине души верила, что муж и правда изменился. Хотела в это верить. Он больше не пьёт так много, как раньше. И не поднимает на меня руку. Первые месяцы после того случая Егор вёл себя как самый идеальный мужчина на свете: дарил цветы, водил по ресторанам, именно тогда со-

гласился на няню, против которой был, даже купил мне машину. Позже всё вернулось в своё русло.

Я любила его по-своему когда-то. Но после той ночи даже эти крохи чувств исчезли. Я чётко осознавала, что потребую развод, однажды. Когда наберусь смелости и когда подрастёт Ева, чтобы я могла ей всё объяснить. А пока она такая малышка, ей нужен папа, полная семья.

Вздыхаю, подходя к дорожной сумке. Сменяю ночнушку на тёмные джинсы и бордовый уютный безразмерный свитер. Умываюсь, наношу дневной крем, расчёсываю волосы и спускаюсь на первый этаж.

Но застываю на последней ступеньке, заметив всю семью Жуковских и Левицких на пороге нашего дома. Что они делают тут, если собирались готовить часть своих блюд у себя в доме? Да ещё и Ян с Антоном со своими чемоданами.

– Пришла беда, откуда не ждали, – утешает мама тётю. – Ну ничего, в тесноте да не в обиде, Леночка.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Нашу чёртову газовую трубу прорвало! А если бы папа не заметил запах, не представляю, что бы с нами было! – негодует Ника. – Всё перекрыли, выключили электричество, вызвали аварийку и пожарных. Но теперь нам минимум сутки дом проветривать. Вот тебе и Новый год, что б его!

– Не ругайся, дочка, – приструняет её дядя Женя. – Я виноват, давно надо было начать ремонт.

– В общем, сестрёнка, мы к вам с ночёвкой, – нервно сме-

ётся Левицкая.

Если я думала, что влипла, когда вчера встретила Антона на пороге нашего дома, то я ошибалась. Вот теперь я действительно влипла!

Глава 6.

В нашем доме начинается жуткая суета. Дядя Женя и Антон на свой страх и риск идут спасать продукты из холодильника своего дома. Мама распределяет всех по комнатам. Повезло, что у нас дом побольше, чем у Жуковских, и есть лишние спальные места.

Комнату Евочки отдают бабушке. Так что дочке придётся спать с нами. А комнату бабушки, где небольшая двуспальная кровать, вызываются занять Ника с Яном и Лёвой. Нужно только раскладное кресло перетащить из гостиной для племянки. Папа уступает их с мамой спальню дяде и тёте. Сами же родители уйдут ночевать в баню, у нас там помимо парной, моечной и предбанника есть отапливаемая комната отдыха с большим раскладным диваном. Антон с женой занимают папин домашний кабинет. Там тоже диван не маленький и раскладывается.

Все расходятся, чтобы разложить вещи, застелить спальные места и привести себя в порядок. Я остаюсь на кухне, наблюдая, как Егор выполняет моё дочке обещание – ведёт её кататься на ватрушке.

Первой спускается мама. Причитает, что готовки непочастьный край, а время уже почти обеденное. Ника входит в кухню с тётей как раз в тот момент, когда мама решает распределить обязанности. На Нике её любимая белочка и мимоза.

На маме с тётёй селёдка под шубой и холодец, Егор его очень любит, особенно приготовления моей мамы. Я ответственна за фаршированные яйца и оливье. Становится смешно, что именно мне выпадает готовить любимый салат Антона. Спустившуюся Юлю запрягают делать гранатовый браслет. Терпеть его не могу, как и саму Юлиану.

Жуковские возвращаются с продуктами. Многие овощи уже отварены и у них, и у нас, так что нам проще готовить. Антон с Яном идут помогать папе и дяде установить новенькую коптильню на улице, до которой руки отца так и не добрались. Упускаю из виду, что именно они хотят закоптить, но уверена – будет вкусно.

Сажусь за кухонный стол и начинаю нарезать колбасу, ровно по размеру горошинки, как мама учила в детстве. Рядом садится Ника и натирает «Дружбу» в миску.

– Нет, ты только посмотри на неё, ещё бы в вечернем платье готовить пришла, – на ухо сестре ворчу я.

Если я в свитере и джинсах, Ника в спортивном костюме, мама и тётя тоже одеты по-домашнему, то жена Антона выглядит будто на вечеринку собралась. Кожаная облегающая юбка, полупрозрачная белая блуза с воротничком, расшитым сверкающими камнями. И уже при вечернем макияже. Она и спит при параде интересно?

– Не будь стервой, Ксю, – усмехается Ника.

Готовка проходит спокойно, я почти заканчиваю с оливье, когда Юля вскрикивает и все поворачиваются в её сторону,

наблюдая, как на белой блузе расплзается розовое пятно от свекольного сока. Усмехаюсь. То-то же! И почему я так злобствую при виде её неудачи?

Жена Антона – назвать её по его фамилии, которую ещё в школе в личном дневнике примеряла на себя язык не поворачивается – тут же убегает в выделенную им комнату, чтобы переодеться.

– Не злорадствуй, – хихикает Ника.

– Признай, тебя она тоже бесит, – шепчу ей я.

– Я хотя бы не показываю это так открыто.

Вообще-то, я не злая, и не ревнивая. Но когда дело касается Антона, наружу вылезают как самые хорошие мои качества, так и самые ужасные. Рассудительность, спокойствие и здравомыслие уезжают в долгосрочный отпуск.

– Дочур, отнеси, что готово в холодильник в бане. А то в кухонный всё не влезет, – просит мама.

Надеваю шубку, обуваю мамины валенки, тётя передаёт мне пару мисок, и я выхожу на улицу. Холодильником то, что находится в бане назвать сложно. Он чуть больше мини-бара в отелях. В более молодые годы папа постоянно устраивал там посиделки со своими менеджерами и вторым генеральным. Сейчас отец всё чаще предпочитает рыбалку с дядей и отдыхать с мамой дома, а свою часть бизнеса оставляет на управляющего. А мама только рада. И я понимаю её. Они стали чаще выбираться в отпуск. В марте в Карелии были, в июле ездили в санаторий в Анапе, Еву с собой брали, в сен-

тябре на Кипр мотались со своими друзьями.

Дочке вообще повезло иметь столько бабушек и дедушек, готовых её развлекать. Родители Егора на майские увезли её в Турцию в отель с прекрасной детской анимацией. Она была в огромном восторге от детской дискотеки, кружков и пенной вечеринки в бассейне. В Анапе дочурке тоже понравилось, особенно аквапарк, дельфинарий и верёвочный парк. Когда подрастёт обязательно отправлю её «Артек» летом. Муж пока против, но я считаю, что лучше летнего лагеря для ребёнка нет ничего.

Захожу в баньку, убираю всё в холодильник и выхожу обратно. Сегодня морозно, жаль снег не идёт. Детишкам было бы в радость.

– Мамочка! – радостно кричит Ева, подбегая ко мне.

Обнимает. Сажусь на корточки и обнимаю дочку в ответ. Смешная такая, косички, торчащие из-под шапки, растрепались, щёчки румяные. Моя маленькая копия, только глаза в Егора пошли, карие.

– Покатались с горки?

– Покатались! Хочу ещё!

– А где папа? – спрашиваю я, потому что Егора нигде не видно.

– Папочка устал. Он пошёл спать.

Устал? После двух часов с дочкой? Багрянцев конечно неплохой отец, не отнекивается от Евы, проводит с ней время по мере возможности, задаривает подарками. Но послед-

ний год почему-то часто вот так «устаёт» после их совместного времяпровождения. И постоянно твердит о сыне. Что ему нужен наследник. Что с ним он будет играть в хоккей и приставку. Что с мальчиком ему было бы интереснее. У Евочки и так много мальчишечьих увлечений, и иногда мне кажется, что это из-за мужа, который пытается сделать из неё пацана. Но я не препятствую. Пусть увлекается тем, что ей близко. Захочет в куклы играть – пожалуйста. Захочет мяч на футбольной коробке гонять – на здоровье. Самый сложный процесс воспитания нас ждёт впереди, когда малышка превратится в подростка. И я с ранних лет стараюсь установить с ней максимально доверительные отношения, чтобы моя дочка никогда не боялась мне о чём-то рассказать, пожаловаться или поделиться.

– И с кем папа тебя оставил, зайка?

– Сначала я сидела с ба-ба, но она скучная, – жалуется малышка, мило надувшись. Ба – это у неё бабушки, а ба-ба – прабабушка. – Ба-ба показывала мне альбомы. А потом мы с Антоном, бластиком и дядей Яном лепили снеговика! Пошли, ма!

Дочка тянет меня в сторону, ближе к беседке на участке. Прямо к огромному, почти с меня ростом снеговику.

– Класиво? – довольно интересуется малышка.

– Очень.

Снеговик у них вышел забавным. В три снежных аккуратных шарика, с морковкой вместо носа, глазки и улыбка из

рябиновых ягодок, а руки из веток. На «шее» снеговика повязан дорогой брендовый шарф. И кто так расщедрился?

– Ему надо шапку! А то он замёрзнет!

А про шапку мужчины забыли. Смеюсь. Ева придирчива к деталям. Беру дочку за руку, веду в дом. Ищу какую-нибудь шапку на полке в прихожей. Залезаю в самый верхний ящик и выуживаю старинную, ещё мою детскую видимо, вязаную ушанку. Мама как обычно, ничего не выкидывает. И возвращаюсь с дочуркой на улицу.

Мы почти подходим к снеговiku, когда я опять чуть не поскользываюсь на замёрзшей лужице. Упала бы, если б не сильные руки, которые подхватывают меня со спины. Сначала вечу головой инстинктивно, чтобы убедиться, что Ева в порядке. Но с ней всё хорошо, она уже бежит по сугробам с шапкой в руках к снеговiku. И оборачиваюсь. **Антон.**

– Порядок? – спрашивает Жуковский.

– Д-да. Спасибо, – благодарю я, и чувствую, как алеют щёки. Потому что он слишком сильно прижимает меня к себе. – Может, уже отпустишь?

– А если я не хочу? – вызывающе вопрошает мужчина.

– Сбрендил? Тут моя дочь! В любой момент может выйти твоя жена! Хватит играть в игры, Антон!

– Я ещё даже не начинал играть с тобой, Ксю, – шепчет Антон мне на ухо, но отпускает.

Дочка тут же бежит к нам, размахивая шапкой.

– Не достаю! – расстроено выкрикивает Ева.

Жуковский без лишних слов поднимает её на руки и чуть ли не торжественно подносит к верхнему снежному шару. Евочка водружает шапку на голову снеговика и радостно хлопает в ладоши. Смотрю на этих двоих и не понимаю, почему у Антона ещё нет ребёнка. Он выглядит как идеальный отец. И помнится мне, что детей он хотел. Сам говорил мне об этом. Так почему передумал?

– Пошли наряжать ёлку? Вон ту! – дочка тянет Жуковско-го за руку, забыв о моём существовании. Показывает ему на самую крупную ёлочку во дворе.

– Мишурой?

– Да! Можно, мамочка?

– Можно, зайка.

Улыбаюсь. Ева воспринимает его не как дядю, а как друга. Удивительно. С Яном она скромнее. Для неё он именно дядя и папа её младшего братика. Оставляю их вдвоём, дочка в хороших руках. Мысленно злюсь на Егора. Вместо того, чтобы спать в разгар дня, мог бы с дочерью время провести побольше.

Прохожу мимо беседки, махнув отцу, дяде и Яну. В копильне уже что-то дымится, и они разожгли мангал. Вся семья вместе, только мой муж как всегда на своей волне, отдельно ото всех.

Возвращаюсь на кухню и приступаю к готовке. Время уже полдничное, а сделать ещё нужно многое. А впереди Новогодняя ночь. Ночь, в которую сбываются мечты и желания.

Глава 7.

Достаю из чемодана платье, заготовленное на Новогоднюю ночь. Тёмно-синее, классическое, облегающее, но скромное. Без декольте, с рукавами три четверти и длиной до колена. Надеваю и кручусь перед зеркалом. Красиво, дорого, но просто. Не так ярко, как была одета во время готовки жена Антона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.